

Катерина Невское-Облако

Рефлексы

Поэтический сборник

2020

16+

Катерина Невское-Облако

РефлексЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57437516

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник стихов 2019-2020 года. О любви, об искусстве, о путешествиях, о самом важном. Современная поэзия должна говорить прямо, просто и открыто, так, чтобы ее услышали.

Апрельское

Будем как-нибудь выживать: пить вино, закупаться гречкой,

Целоваться в парках назло всем вирусам

И беспечно запрокидывать голову, глядя Луне в глаза.

Будет жечь постель, на спине выпадать роса.

Будем как-нибудь выживать: обнулим и сведём на нет

Всё, что было до, перейдём на «ре»

И по лесенке вверх добежим до «си».

Ты увидишь, мы справимся. Большого не проси.

Большого скоро не будет; планета уйдёт под лёд,

Атлантида выпрямится и всплывёт,

Поменяют полярность протоны, к югу потянется Нил,

Люди вспомнят о боге, о том, чему он учил.

Выживут только любовники, если любовь – ответ;

Но у нас вымок порох, и опустел кисет.

Выживут только поэты, если стихи – ковчег;

Нам не поможет это в наш молчаливый век.

Выживем или нет – дело не наших дум:

Всё превращается в пепел; жизнь – это сумма сумм

Смертного и смертельного,

Будущего и вчера.

Не доверяй слишком мнению всяких с приставкой «пра-».

Обещай, что пойдём пить вино и смотреть наверх

Так, словно каждый наш взгляд отпускает грех.

*

Книги

Книги не любят полук –

Им бы в родные руки,
Быть бы подмогой в спорах,
Библией для науки.

Книге бы жить прочтённой,
Книге бы стать любимой,
Почерком испещрённым
Местом духовной силы.

Сделаться б ей такой, чтоб
После прочтения – млеешь,
Универсальной «Но-шпой»,
Универсальным клеем.

Быть как эклер под «Ройбуш»

Или как «Jim Beam» с вишней.

Жаль, что, когда приходишь,

Тянешься к полкам ниже.

*

Корни в груди

Есть города, что пускают корни в твоей груди.

Они говорят тебе каждым узором собора: «Не уходи».

Они говорят тебе каждым своим прохожим,

Что всякий день

Где бы то ни было вне их

Напрасно прожит.

Эти места – глухие трясины, болота.

Чувствуешь, как из «никто» ты стал вдруг «кто-то».

У них всегда так выходит, что краше всего вокзал:

Чтобы ты в последний момент передумал, не уезжал.

Запрись понадёжнее, как завещал поэт!

Наверное, он что-то понял, такой принесся обет.

С точки зрения вечности всякий без исключения город –

Это временный карцер, где духи скулят и воют.

Что в них такого? При чём тут мосты, фасады?

Давно ль на загон обращает внимание стадо?

Это всё верно. Да будь я сто раз права! –

Толку-то.

У меня таких городов

Два.

*

Всадник и Лилия

Хочется выйти к Неве и наткнуться на Понте-Веккьо,
Чтобы спице Петра и Павла отвечала глава Синьории,

Чтоб на солнце-зрачок опускалось устало веко,
Подрезая верёвки подвешенным к сердцу гилям.

Хочется мост перейти невесомым канатоходцем,
Изогнуться в поклон под овации ветра.
Между Зимним дворцом и гранёным палаццо Строщи
Жить, не зная тотема, табу и вето.

Хочется прямо на площади броситься на колени,
Просочиться сквозь мрамор, впитаться в стену.
Если это возможно в какой-нибудь из вселенных,
Я хочу поменяться мирами, скажите цену!

Но посредник молчит за отсутствием предложений.
Вместо купола – многоквартирные соты.
Есть ли что-то грустнее, чем застывшие без движений
Серебристые спины покинутых самолётов?

*

Балкон

Балкон – наблюдательный пункт за собой и за жизнью.

Прямо под окнами мальчик с собакой играют с фрисби.

Смысл игры – оправдаться, придумать причину для бега.

Просто так не положено бегать нормальному человеку.

Выходит, что левая с правой на месте, а ты – калека,

Лев в тесной клетке из зоопарка тебе – коллега.

Пришлось изловчиться придумать пробежки и марафоны,

Чтоб обычные люди могли порезвиться спокойно,

Пронумерованно, а главное – подконтрольно.

Что же получится, если дать толпам волю?

В такой мясорубке и носа, поди, не увидишь –

Вот почему крайне важно наметить финиш:

Иначе собьются, занервничают, заплутают.

Людам, как птицам, лучше сбиваться в стаи.

Пернатые тянутся, принято думать, к югу.

Бесперьевые бегут. Но куда? Откуда?

Не думай. Не надо. Мы за тебя ответим!

Старт обозначен. Беги, что есть мочи, к ленте!

Смысл в том, что нет никакого смысла.

Скажи, у тебя есть хоть догадка, зачем тебе фрисби?

Ведь это – цветная пустышка, стоящая копейки.

Ты носишься с ней каждый раз, как отпускают со шлейки.

Когда надоест, наконец, обсуждать новый вирус Китая,

Подумай: ведь эту тарелку, наверное, кто-то кидает?

*

Иосиф

Он считал, его строки – лишь опыт борьбы с удушьем,

Он писал их так, потому что не мог иначе.

А сегодня – смотрите! – его почитают лучшим,
Стихосложенческим Фибоначчи.

Он носил очки, одевался неброско, строго.

Выходил – буквально – за всяческие границы.

Этот мир он знал как иллюзию и дорогу,

Но, однако ж, ни разу не оступился.

Признавался, что хоть и не соло, но чужд ансамблю.

Что не станет сражаться за то, чему нет названия.

Ему рифмы – так вышло – еду заменили и саблю,

Обрекли на заклеенный рот и скитания.

Чья вина, что не снёс политической астмы,

Что ему, как другим, не носили почёт на блюде?

Рабство – кричал он – всегда порождает рабство,

Даже с помощью бог весть каких революций!

Труд – он сказал – это цель бытия и форма,

Человек оскорбился бы быть товаром.

Правда, то, что ему представлялось позором,

Было вполне себе жизнью – от дома к работе и к бару.

Зло существует, чтоб с ним бороться!

Писал и боролся: поэмы, вирши...

Он думал, что сдался; но верил, что не сдаётся.

Он много чего говорил нам, но не был слышим.

Не откладывал худшее в долгий ящик –

Впрочем, всех призывал себя прятать в коробки комнат.

Не стремился стать богом, не был навязчив –

И его, вероятно, поэтому многие помнят.

Из забывших его можно составить город –

Так он писал, не надеясь на комплименты.

Только теперь, когда тут поэтический голод,

Из влюблённых в него состоят континенты.

*

Вечность

Хотел поймать за руку вечность –

Она, как песок, ускользала.

Стоит колокольной на Вече

В остывшем безмолвии зала.

Стоит дуэлянтом на поле,

Перчатки снимает, маску.

Опустошает обойму,

И холст истекает маслом.

Один на один: кто сильнее?

Гвоздями прибил б минуты!

Хватает мольберт – и за двери:

Она где-то здесь как будто,

Она убегает и дразнит!

Стоит перед ней на коленях...

Подол невесомого платья

Петлёй затянулся на шее.

Она издевается, душит.

Он кисти берёт – немеет.

И плачет, здоровый и дюжий,

И холст истекает елеем.

Когда весь внутри искалечен,

Бываешь особенно нежен.

Хотел поймать за руку вечность –

И сам растворился в ней же.

*

Счётчик Гейгера

Делай ставки на нас, обрадуй брюзгу букмекера!

Кто на старт опоздал, ещё может добраться к финишу.

Чтоб измерить твою любовь, впору брать счётчик Гейгера,

Правда, я в этой битве, наверное, белый вывешу.

Аномальные ласки – то грубые, то расплывчаты,

Как неясные фразы из толкований сонника.

Ты, словно корка из серы, вспыльчивый,

Только мне твои выходки – радуга для дальтоника.

Ты привык быть огромным, всеоглушающим рупором,

А я вечно боюсь проболтаться, сморозить лишнего.

Ставки сделаны, будем играть по-крупному,

Чтоб у каждого счётчика каждую пробку вышибло!

*

Гавань

По течению плыли, боялись смотреть наверх –

Стыдно было.

Выли потом ночами.

Никогда не искали порт,
На постой шли всегда на верфь –

Там утешат, починят, котомку дадут с калачами

И отпустят,
И слова не скажут потом.

Ни упрёка, ни вздоха –
Не в моде сегодня драмы.

Как Титаник на айсберг,
С тобой мы шли на ремонт,

Вместо звёзд ориентировались на камни.

Так и было заведено:

Каждый штопал себя
Второго из нас руками –

Не любовь, а прялка с веретеном...

И спасибо тебе за заплатки, но

Теперь я хочу отыскать свою гавань.

*

Дульсинея

Грустные рыцари! Все мы теперь в опале.

Я отразилась в глаз твоих светлом опале

И растаяла – может быть, на века.

Камнем на дно твоё, будто бы ты – река.

Невские шпили в студёных волнах синеют.

Я стою на гранитном причале, как Дульсинея.

Дважды сватались Грэй и Тристан.

Но знаешь ведь, что не то.

Где ты, мой сумасшедший,

Самоотверженный Дон Кихот?

Ненастоящий рыцарь! Доспехи как ситец весят!

Какой герой – такая ему и принцесса.

Может, я тоже обманка и выдумки чьей-то плод?

Не позволяй мне так думать,

Милостивый Кихот!

Даже если мы правда бабочки на обоях,

Эхо сирены спешащей на вызов «Скорой».

Не дочитала роман твой, прости.

Поэтому всё ещё верю, что ты уже где-то в пути.

*

Полудрёма

Он любил меня тихо, как в полудрёме.

Целовал неохотно, поспешно – кроме

Праздников вроде восьмого марта.

Я ждала его ласок, как ждут подарка.

Он таков; он лечил меня, словно бромом,

От болезней сердца и недостатка

Сил, сидя у изголовья,

И уверенно наше «внутри» называл любовью.

Может, это любовь? Может, она такая?

Никогда восклицательный знак, но расплывчатая запятая,

Не душа наизнанку, а суп на ужин –

Из лапши, повешенной кем-то на уши,

Что не все исповедуют веру режима и расписаний,

Когда дело касается жизни жены и мужа,

Что бывает страсть, и что может быть всё иначе.

Говорит: «Любовь».

Но я слышу, как он там плачет.

*

Эти войны

Эти войны ведут на суде адвокаты,

Но не им при атаке наносят увечья.

Когда ты меня спросишь, что это между нами,

Я не знаю, как я тебе отвечу.

Посмотри!

Мою гордость подняли на вилы!

Но на мой костёр у тебя не достанет торфа.

Когда ты меня спросишь, что между нами было,

Я посмею назвать это всё любовью,

Потому что любовь
свойственна
даже Иуде,
Она – мера других чувств
и их предтеча.

Когда ты меня спросишь, что между нами будет,

Как, во имя всего святого, ты думаешь, я отвечу?!

Эти войны – не ради земли и меди,

Они все оттого, что внутри накопилось злого...

Когда ты меня спросишь: «Теперь-то мы будем вместе?» –

Я не знаю, смогу ли сказать хоть слово.

*

Белым по кобальту –

Ниточка льдин.

В городе холодно:

Минус один.

Скроется в сумерках

Ложка Луны.

Техника грубая –

Почерк зимы.

Карточка жёлтая –

Осень, прости.

Ты не пришёл ко мне.

Минус один.

*

Ничего общего

У тебя ко мне комплексы, фетиши, скомканные обиды

На кого-то далёкого в очень далёком «раньше».

Из закваски сюжетов Эдипа и Еврипида

Заварилась солёная, вязкая каша –

Знай расхлёбывай да нахваливай!

Дело такое, никто ведь не скажет, как правильно.

Где-то между полярными точками застряло понятие
«норма».

Меня нет в твоей жизни, не будет и в эпитафии –

А с другой стороны, если мосты не строить,
То и нечего будет рушить.

Может быть, ты не хочешь, чтоб рядом был кто-то нуж-

ный.

Может быть, у тебя нужных нет, потому что ты сам – светило.

Я тебе – манекен из улыбки, духов и туши.

Если добавить хороший ужин, разбавленного этила –

Неплохая компания, может сгодиться на вечер.

Не было бы меня, если бы не предтеча,

Где-то внутри отозвавшаяся звоночком.

Самое странное – знать, что такие вещи –

Это очень обыденно и бессрочно,

Но не мочь примириться внутри с тем фактом,

Что и ты тоже хочешь любви, и детей, и брака,

Быть опорой, стеной, храбрым воином с крепким тылом,

Жить в стабильности и достатке,

Чтоб тебя уважали,

Чтобы тебя любили –

Человек же ты, наконец! –

Только при чём тут я?

У меня к тебе детские травмы и комплексы,

Переносы по Фрейду, по Юнгу и с ними иже.

Я сейчас в удивительно трудном возрасте,

Когда никого не подпустишь ближе,

Чем «Привет, как дела?» – «Потихоньку, что нового?»

У меня к тебе аппетит голодного

Пса у витрины со свежим мясом.

Я бегу в свою конуру,

В свою одноместную комнату:

Там, на тонкой спине матраса

Буду ждать, когда ты надо мною сжалишься.

У меня к тебе залипание той самой клавиши,

От которой дрожат во всём теле струны.

Я от каждого гостя беру по камешку,

Строю крепость вокруг себя. Потому-то

Все бока у неё – разноцветные!

У меня к тебе нечто интимное, интровертное,

Оно плещется невской волной в низовье.

Оно может быть самым могучим (по Берну), но

С пресловутой, как ты говоришь, любовью

Не имеет совсем ничего общего.

*

Будильник

Будильник-убийца на сон поднимает руку.

Меняем вселенные, как поезда в метро.

По знаку главного
Из поднебесной рубки

Секундная стрелка делает оборот,

Отрезав,
Швыряет в лицо кусками

Разорванный сон,
Словно кость со стола,

Чтоб я на досуге его обглодала,

Чтоб не осталось ни хрящика, ни мосла,

Чтоб он забылся, сгорел, истёрся,

Изжил себя,
Перемололся в прах.

Не портил праздник незванным гостем,

Застывшим нелепой фигурой в дверях.

Расставив точки, расставь и тильды.

Выдёргивай разом, до самого корешка.

Два года назад

Прозвенел
Будильник.

Поэтому я от тебя ушла.

*

Узлы и канаты

Над Невой золотится игла-каблук.

Здравствуй, забытый, зачёркнутый друг.

Я так долго боялась назвать тебя вслух,

Что уже и не помню нот.

Левый берег не выпускает из рук

Разведённых пролётов стальной мундштук.

Знаешь, узел-то был наш туг,

Да канат – не тот.

Слышу старый, в душе схоронённый звук –

Так поют одиночество и испуг.

Не зову тебя, не возрождаю круг.

Кажется, это всё.

*

Гора на плечах

У тебя нездоровый вид и зелень уставших глаз –

Как предлог не любить глубину равнодушных зеркал.

Ты остался свободным в не-помню-который раз:

То ли выбрал не тех, то ли вовсе не выбирал.

Ты сидишь, иссутулясь, ботинками давишь пол:

То ли сжечь все стихи, то ли сборник отдать в печать.

Ты всем кажешься сильным, здоровым, как вол,

Все обиды ты запер подальше, велел: «Молчать!» –

И они замолчали.

Остался беззвучный стон,

Дрожь ресниц и ещё что-то горькое там, внутри.

Ты боишься, что я потревожу твой сон,

Но я буду его охранять как сокровище.

Спи.

*

Если ты зол и хмур

Если ты зол и хмур,
Если внутри – война,
Я твой бикфордов шнур
Перевяжу в канат,
Брошу его тебе,
В трюме закрою брешь.
Вина поставлю – пей,
Хлеба поставлю – ешь,
Высушу, схороню,
Вытравлю лишний шум.
А за заботу свою
Лишь одного прошу:

Не привыкай ко мне,

Не забирай меня.

Знаешь, как много их –

Тех, кому я нужна.

Тех, кого мучит боль,

Мне суждено спасти.

Я не всегда добро.

Обнял – и отпусти.

*

Вирус

В слабом луче фонаря

Всё друг на друга похоже:

То ли блестит фольга,

То ли швейцарский ножик,

То ли блестит букет,

Убранный в хрусткий пластик,

То ли горит поэт,

Грузно идя по насту.

Возглас из кухни: «Ребят!

Что там с мужчиной?» – «Пьяный!»

Изредка, говорят,

Кома равна нирване.

Нам наложили жгут

Разом на всю округу.

Двое влюблённых идут,
Не прикасаясь друг к другу.

В слабом луче фонаря
Больше не доверяют.

В мире разлили яд,

Мир закопали в яму.

Что вы? Тут каждый свят!

Каждый с иконой вырос!

Значит, во всём виноват

Модный китайский вирус.

*

Чувство вины

Если твой мир некрасив и пуст,

Не трогай чужие миры,

Не сей в них обиды, печаль и грусть,

Не жги изумрудной травы.

Попробуй в своём посадить новый куст –

Стань счастлив в его тени.

Лишь тот, кто не может внушить

Других чувств,

Внушает

Чувство

Вины.

*

Лампочка

Мерцает лампочка в коридоре – не может определиться:

То ли взорваться ей, то ль застрелиться,

То ли работать, как прежде, неутомимой мышцей,

А то ли рвануть в Гаагу.

А то не в Гаагу, а, скажем, в Прагу –

Какая разница, коли нигде не рады.

Какая разница, кто с тобой будет рядом,

Если тебе наплевать на тела и лица.

А коли издохнешь – заменят другой пружиной,

Энерго-не-слишком-затратной, простенького режима,

Чтоб верой и правдой подольше служила

И не задавала неловких вопросов.

У лампочек тоже бывают невроты.

Тут то ли усталость скопилась под осень,

А может быть, год виноват високосный.

А может быть, нужен другой мужчина.

*

Радуйся жизни

Он зашёл на минутку – взять кофе, обнять друзей,

Перекинуться парой словечек за баром.

Это было чуть более года назад, и в тот день

Я была дико, безбожно усталой,

Не взглянув на него, у окошка глотала портвейн,

Придушив двумя пальцами ножку стекляшки-тюльпана.

Он, небрежно обняв, ухмыльнулся привычно: «Эй!

Может, хватит грустить уже, Несмеяна?»

Через пару часов будут скорая, вой сирен,

Мотоцикл – как скомканный лист бумаги.

Но я это не помню. Я помню, как он сидел

Со мной рядом, показывал фото из Праги,

А я даже не слушала... Рой проблем,

Как казалось тогда, взвился тучей над самой крышей.

Он надел бесполезный, как позже узнаю, шлем.

«Радуйся жизни», – сказал.

И вышел.

*

Per aspera

Per aspera. А на коже

Клочка нет живого места.

Смеёшься: «Хоть я стреножен,

А всё ж таки интересен».

Протягиваешь мне руки,

Трёхтысячное «останься».

За сонным окошком мухи

Устроили свои танцы.

А я то ли вышла из пены,

То ль долго назад смотрела:

Солёными стали вены,

Солёным покрылось тело.

Тебе мои ласки – мука,

А всё же – не оторваться.

Когда долго смотришь в лупу,

Хитин превращается в панцирь.

Жужжат мухи, крыльями бьются,

Но окна – неколебимы.

В них больше заложенных функций,

Чем портить чужие спины!

Фонарь за окном стареет

И звёзды желтушным гасит.

Мне нечего больше тут делать.

И я уезжаю. Ad astra.

*

Memento vitae

Если не думать о смерти, забыть о могильных плитах,

Жизнь кажется легче, ровней, просторней.

Вы видите смысл в ползущих по склонам улитках,

А мне бы чего-то попроще, чем эти японские горы.

Ведь жизнь динамична, как ветром смущённое море,

И совершенна, как нежное тело сюиты.

Вы мне говорите: «Memento mori!»

А я отвечаю: «Memento vitae».

В оформлении обложки использована фотография из личного архива автора Катя Рэ (vk.com/desiresdesigner) с разрешения автора